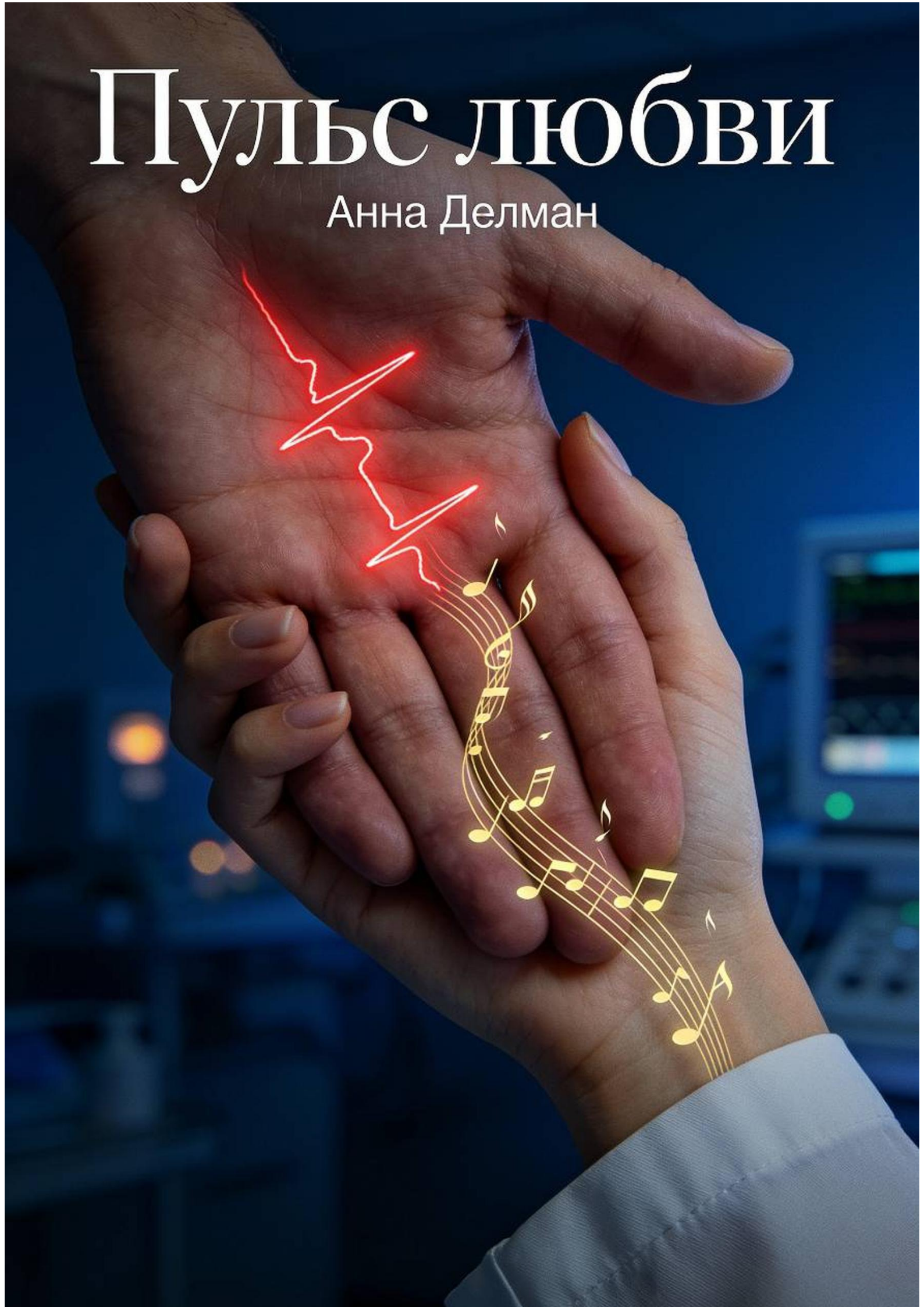

Пульс любви

Анна Делман

Анна Делман
Пульс любви

«Автор»

2026

Делман А.

Пульс любви / А. Делман — «Автор», 2026

Дарья Соколова — блестящий кардиохирург, которую коллеги называют «железной леди». После предательства она наглухо закрыла собственное сердце, посвятив себя спасению чужих. Её мир — это операционная, строгие протоколы и тишина пустой квартиры. Максим Райский — всемирно известный пианист, чья музыка заставляет залы рыдать. С детства страдая неизлечимым пороком сердца, он привык жить на грани: лучше сгореть на сцене в огне оваций, чем угаснуть на больничной койке. Их первая встреча в реанимации — столкновение льда и пламени. Она видит в нём безрассудного пациента, он в ней — холодного анатома без чувств. Но у судьбы свой ритм: музыка и медицина сплетаются в опасный дуэт, где каждая нота может стать последней. Когда болезнь заходит слишком далеко, Дарье придётся выбирать — спасти его жизнь ценой его дара или нарушить все правила, чтобы подарить ему шанс. А Максиму — решиться на операцию, которая может навсегда лишить его музыки.

© Делман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сбой ритма	5
Глава 2. Аритмия судьбы	10
Глава 3. Второе мнение	14
Глава 4. Мелодия двоих	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анна Делман

Пульс любви

Глава 1. Сбой ритма

В Большом зале филармонии стояла та особенная тишина, какая бывает только перед рождением великой музыки. Максим Райский сидел за роялем, закрыв глаза, и позволял кончикам пальцев едва касаться клавиш — пока беззвучно, лишь намечая траекторию будущего полета. Оркестр ждал. Дирижер замер с поднятой палочкой.

До главной премьеры года оставалось три дня.

— С третьего такта, после вступления струнных, — бросил Максим, не открывая глаз. — И пожалуйста, виолончели, не тяните. Ритм должен быть как сердцебиение загнанного зверя. Та-дам, та-дам, а не та-а-дам.

По залу пробежал сдержанный смешок. Молодой виолончелист нервно кивнул. Все знали: Райский — гений, но работать с ним — испытание. Он слышал музыку так, как слышат ее единицы во всем мире. Каждая фальшивая нота была для него личным оскорблением, каждый неверный ритм — преступлением против искусства.

Дирижер взмахнул палочкой. Зазвучали струнные, и Максим вступил.

На несколько минут зал перестал существовать. Музыка подхватила его, понесла, и он отдался ей полностью, как отдавался всегда — без остатка, без страха, без оглядки. Его руки летали над клавишами, извлекая звуки, которые, казалось, существовали всегда, просто ждали своего часа где-то в небесах. Это был новый концерт, его концерт. Самый сложный из всего, что он когда-либо писал. Самый личный. Самый беспощадный.

Он назвал его «Пульс».

Ирония заключалась в том, что писал он его, прислушиваясь к собственному сердцу — больному, капризному, предающему его с самого детства.

Максим знал свой диагноз с восьми лет. Врожденный порок сердца. Родителям говорили: мальчик вряд ли доживет до двадцати. Потом — что до тридцати он не дотянет. Потом — что медицина, конечно, творит чудеса, но надо бы побережиться. Никаких нагрузок, никаких стрессов, никаких высоких нот.

Он не послушался ни разу.

Музыка стоила того, чтобы умереть за нее. И если уж смерть когда-нибудь придет за ним, Максим поклялся себе, что встретит ее не в больничной койке, а на сцене, под гром оваций, с руками на клавишах.

Эта мысль всегда приносила ему странное, горькое удовлетворение.

Оркестр набирал мощь. Приближалась кульминация первого отделения — тот самый пассаж, который Максим переписывал семь раз, добываясь невозможного. Левая рука ушла в басы, правая взлетела к верхним октавам, и он почувствовал, как все тело напряглось, превратилось в натянутую струну, готовую вот-вот зазвучать.

И вдруг — что-то пошло не так.

Сначала он не понял, что именно. Просто в груди, где-то глубоко, словно что-то споткнулось. Не нота — что-то внутри. Максим моргнул, пытаясь сосредоточиться на музыке, но ощущение повторилось. Снова. И снова.

Сердце спотыкалось о ребра.

Он знал это чувство. Знал слишком хорошо. Но сейчас оно было другим — острым, чужим, каким-то беспощадным. Будто кто-то схватил его за сердце и сжал в кулаке, не давая биться.

Пассаж приближался к своему пику. Максим стиснул зубы. Нет. Не сейчас. Только не сейчас.

Руки продолжали играть — мышечная память оказалась сильнее боли. Но боль нарастала. Она поднималась от груди к горлу, заливала шею огнем, стискивала челюсти. Перед глазами все поплыло. Ноты на пюпитре слились в одно черное пятно.

— Маэстро? — голос дирижера донесся откуда-то издалека, будто сквозь толщу воды.

Максим попытался ответить, но воздух застрял в горле. Он схватился за грудь, чувствуя, как пальцы судорожно комкают дорогую ткань рубашки. Последнее, что он увидел — собственные руки, падающие на клавиши.

Рояль взревел. Чудовищный, дисгармоничный аккорд прорезал воздух, заглушая оркестр. Крики музыкантов, грохот опрокинутого пюпитра, топот ног — все слилось в один оглушительный шум, который медленно, но верно растворялся в наступающей темноте.

Администратор филармонии, пожилая дама с вечно испуганными глазами, металась по краю сцены, выкрикивая что-то в телефон. Кто-то из скрипачей бросился к роялю, пытаясь поддержать падающего Максима. Но он уже ничего не чувствовал. Тишина поглотила его, и последней мыслью, мелькнувшей в гаснущем сознании, было странное, почти радостное облегчение:

«Ну вот и все. На сцене, как я и хотел».

В то же утро, когда Максим Райский еще только ехал в филармонию на репетицию, Дарья Соколова стояла у операционного стола и держала в руках чужое сердце.

Буквально.

Операция шла уже четвертый час. Пациент — мужчина пятидесяти шести лет, три инфаркта, два стента, одна клиническая смерть. Жена сидит в коридоре, перебирая в пальцах платок. Взрослая дочь не смогла приехать — у нее дети, школа, не с кем оставить. Обычная история, каких у Дарьи были сотни.

— Скальпель.

Инструмент лег в ладонь с привычной точностью. Дарья работала быстро и уверенно, без суеты и лишних движений. За десять лет в кардиохирургии она научилась отключать все лишнее — эмоции, страхи, усталость. В операционной существовало только тело пациента, его больное сердце и ее задача: исправить то, что испортила природа или время.

— Давление? — бросила она, не отрывая взгляда от операционного поля.

— Сто десять на семьдесят. Ритм стабильный, — ответил анестезиолог.

— Отлично. Тампон.

Молоденькая операционная сестра подала тампон с легкой заминкой — новенькая, третий день в отделении. Дарья заметила ее дрожащие пальцы, но ничего не сказала. Когда-то она сама была такой же. Тоже боялась. Тоже сомневалась. А потом жизнь научила ее, что страх — это роскошь, которую хирург не может себе позволить.

— Смотри сюда, — неожиданно сказала Дарья, обращаясь к ординатору, который топтался у ее плеча. — Видишь этот участок? Здесь была микроаневризма. Если бы мы не вскрыли, через месяц — разрыв. И все. А так — обычная пластика.

Ординатор — тощий очкарик по фамилии Завьялов — судорожно закивал, впитывая информацию. Дарья ценила его рвение, хотя никогда не показывала этого. В ее отделении вообще не было принято хвалить. Было принято требовать. И спрашивать по полной.

Через сорок минут операция завершилась. Сердце пациента, только что остановленное и вскрытое, снова билось — ровно, сильно, в правильном ритме. Дарья стянула перчатки и бросила их в утилизатор. Усталость навалилась внезапно, как всегда после многочасового напряжения. Она потеряла переносицу, чувствуя, как гудят ноги.

— Завьялов, дренирование закрываешь сам. Я проверю через полчаса. И доклад по аневризмам аорты чтобы к пятнице лежал у меня на столе.

— Будет, Дарья Андреевна!

Она вышла из операционной, привычным движением сдергивая шапочку. Волосы рассыпались по плечам — русые, густые, которые она вечно убирала в строгий пучок. В зеркале операционного блока мелькнуло ее отражение: высокие скулы, серые глаза, плотно сжатые губы. «Железная леди», — называли ее за спиной ординаторы. «Снежная королева», — шептались медсестры. Дарья знала об этом. Ей было все равно.

Она прошла в ординаторскую, где ее уже ждали истории болезней, отчеты и остывший кофе. Разбор полетов с ординаторами занял почти час: слушала доклады, задавала вопросы, срезала на незнании протоколов. Кто-то краснел, кто-то бледнел, кто-то пытался оправдываться. Дарья пресекала оправдания на корню.

— В кардиохирургии нет слова «я думал», — говорила она ледяным тоном. — Есть слово «я знаю». Если не знаешь — иди, читай, учи. Или ищи другую специальность. Может, в дерматологии тебе будет комфортнее.

Завьялов, тот самый очкарик, смотрел на нее с обожанием, которое тщетно пытался скрыть за профессиональной серьезностью. Остальные боялись. И правильно делали.

К вечеру Дарья почувствовала, что выдыхается. День был долгим: две плановых операции, консультация, бумажная работа, бесконечные звонки. Она мечтала только об одном: добраться до дома, принять душ и лечь в постель с книгой. Какой-нибудь глупой книгой, где никто не умирает от инфаркта, а герои живут долго и счастливо.

Она уже надела пальто и взяла сумку, когда громкоговоритель в коридоре ожил:

— Код синий, приемный покой. Экстренное поступление. Мужчина, ориентировочно тридцать пять лет, без сознания, подозрение на острую аритмию. Реанимационная бригада — в приемный покой.

Дарья замерла на мгновение. «Код синий» означал угрозу жизни. А острая аритмия в тридцать пять лет — это почти всегда что-то серьезное. Врожденная патология, или запущенный миокардит, или передозировка, или...

Она отбросила мысли и быстрым шагом направилась в приемный покой, срывая пальто. Сон подождет. Книга подождет. Все подождет.

В приемном покое царил хаос. Санитары перекладывали мужчину с каталки на больничную койку, кто-то кричал, кто-то бежал с капельницей. Дежурный врач, молодой парень по фамилии Горелов, метался у мониторов, на ходу отдавая распоряжения.

— Что у нас? — голос Дарьи перекрыл общий шум.

Горелов обернулся с явным облегчением.

— Дарья Андреевна! Мужчина, тридцать пять, со слов бригады скорой — потерял сознание на репетиции в филармонии. Предварительно — пароксизм фибрилляции предсердий на фоне...

— ЭКГ мне покажи, — перебила Дарья, уже натягивая перчатки.

Она подошла к койке и впервые посмотрела на пациента.

Мужчина был бледен, как мрамор. Темные волосы разметались по подушке, длинные ресницы отбрасывали тени на впалые щеки. Черты лица — тонкие, благородные, будто выточенные талантливым скульптором. Даже сейчас, в обмороке, с заострившимся носом и синеватыми губами, он оставался поразительно, почти неестественно красивым.

Дарья отметила это краем сознания и тут же забыла. Сейчас имели значение только цифры на мониторе.

— Давление падает, — бросил анестезиолог. — Восемьдесят на пятьдесят. Пульс нитевидный.

— Готовьте дефибриллятор. И кардиоверсию. Анализы на маркеры инфаркта срочно, — Дарья говорила отрывисто, не отводя взгляда от монитора. Сердце мужчины выписывало на экране безумные, рваные зигзаги. Опасная аритмия — та самая, которая в любой момент могла перейти в фибрилляцию желудочков. А это уже остановка.

Она склонилась над пациентом, чтобы оценить состояние вен на шее, и заметила, что его правая рука сжата в кулак. Что-то зажато в пальцах. Что-то смятое, бумажное.

— Что это у него? — спросила она у медсестры.

— Не знаю, Дарья Андреевна. Бригада скорой сказала, так и везли — не могли разжать руку.

Дарья осторожно, но настойчиво разжала его пальцы. Из кулака выпала смятая театральная программка. Глянцевая бумага, золотое тиснение, крупные буквы: «Мировая премьера. Максим Райский. Концерт для фортепиано с оркестром “Пульс”».

Она на секунду задержала взгляд на этом названии. «Пульс». Какая ирония.

— Пульс падает! — крикнул кто-то за ее спиной.

Дарья отшвырнула программку и вновь стала хирургом. Никаких посторонних мыслей. Никаких эмоций. Только протокол, только действия, только борьба.

— Разряд! Все отошли!

Тело мужчины дернулось на койке. На мониторе зигзаги сменились прямой линией, и на секунду в палате повисла мертвая тишина. А потом — снова рваные, но уже более ровные волны.

— Ритм восстановлен, — выдохнул анестезиолог.

Дарья не ответила. Она смотрела на лицо пациента — на этого Максима Райского, композитора, чей концерт должен был состояться через три дня, но теперь вряд ли состоится вообще. Его сердце сейчас работало только благодаря электрическому разряду, который только что прошел через грудную клетку.

«Кто же ты такой, — мелькнула неожиданная мысль, пока ее руки уже тянулись к катетеру, а губы отдавали новые распоряжения, — что твое сердце так отчаянно сопротивляется?»

Потому что это было заметно даже сейчас, на грани жизни и смерти: сердце этого человека не хотело останавливаться. Оно боролось. Оно цеплялось за каждый удар, за каждый электрический импульс, за каждый миллилитр крови. Будто внутри него звучала какая-то неслышимая музыка, которая не давала замереть.

Дарья тряхнула головой, отгоняя непрошенные образы. Романтика и кардиохирургия несовместимы. Она усвоила это давно и навсегда.

— Готовьте операционную. Будем ставить временный кардиостимулятор. И найдите мне его историю болезни — он должен быть в какой-нибудь базе. Не мог такой пациент нигде не засветиться.

— Уже ищем, Дарья Андреевна, — отозвался Горелов.

Каталку с пациентом повезли по коридору. Дарья шла рядом, держа руку на его запястье — считала пульс машинально, хотя на мониторе все было видно. Просто старые привычки не исчезают.

В операционной она в последний раз взглянула на его лицо — бледное, красивое, с плотно сжатыми, упрямыми губами. Даже в беспомощности этот мужчина выглядел так, будто спорил с кем-то невидимым. Или с чем-то. Может быть, с собственной смертью.

— Наркоз. Начинаем, — сказала Дарья, и мир вокруг снова сузился до операционного поля.

Где-то далеко, в пустом зале филармонии, одинокий администратор подбирал с пола разбросанные ноты. А на больничной койке, в десяти километрах отсюда, сердце великого музыканта билось в ритме, который ему навязывали врачи — пока что навязывали. Но Дарья Соколова еще не знала, что скоро этому сердцу предстоит задать ритм совсем другой.

Ритм, который изменит все.
Для них обоих.

Глава 2. Аритмия судьбы

Сознание возвращалось медленно, неохотно, словно выплывало из густого, вязкого тумана. Сначала пришли звуки — ровный, монотонный писк где-то справа, шипение аппарата слева, приглушенные шаги за дверью. Потом запахи — резкий, медицинский, с примесью хлорки и чего-то спиртового. И наконец свет — слишком яркий, режущий глаза даже сквозь закрытые веки.

Максим попытался пошевелиться и тут же пожалел об этом. Тело отозвалось тупой, ноющей болью, а в груди, прямо под ключицей, что-то неприятно потянуло. Чужеродное. Не его.

Он раскрыл веки.

Белый потолок. Лампа дневного света. Капельница на штативе, от которой тянулся прозрачный провод к его руке. И монитор — тот самый, что попискивал, выводя на экран ритмичные зеленые зигзаги.

Больница. Снова.

Первой осознанной мыслью было разочарование. Нет, не разочарование — глухая, темная злость на самого себя. Репетиция, новый концерт, пассаж в кульминации... А потом провал. Он не дотянул. Подвел всех. И себя.

— Лежите, не двигайтесь.

Голос раздался откуда-то слева — строгий, четкий, с теми самыми интонациями, которые не терпят возражений. Такие голоса Максим слышал с детства: врачи, профессора, светила медицины. Все они говорили с ним одинаково — как с безнадежным упрямым, который сам лезет в могилу.

Он повернул голову и увидел женщину.

Она стояла у монитора, изучая показатели, и в первые секунды Максим мог разглядеть только профиль. Высокий лоб, собранные в строгий пучок русые волосы, тонкая линия скулы. Белый халат сидел на ней безупречно, будто вторая кожа. В одной руке она держала планшет, другой быстро водила по сенсорному экрану, делая какие-то пометки.

— Где я? — голос прозвучал хрипло, как несмазанная дверная петля. Максим попытался откашляться, но в горле пересохло. — И, судя по декорациям, это не Венская опера.

Женщина обернулась, и он наконец увидел ее лицо. Серые, холодноватые глаза, плотно сжатые губы, легкая тень усталости под нижними веками — такая бывает у людей, которые спят по четыре часа в сутки и считают это нормой. Красивая, отметил он машинально. Но красота какая-то недоступная, запертая на семь замков.

— Вы в кардиоцентре, — сказала она, игнорируя его попытку пошутить. — В палате интенсивной терапии. Меня зовут Дарья Андреевна Соколова, я заведующая отделением кардиохирургии. И вам сейчас лучше не разговаривать, а слушать.

— Кардиохирургии? — Максим скосил глаза на провода, тянущиеся от его груди к монитору. — Значит, все серьезно. А я-то надеялся, что просто переутомился.

Дарья подошла ближе. Теперь он мог разглядеть ее лицо в деталях: тонкие морщинки в уголках глаз, родинку над левой бровью, едва заметную ниточку шрама на подбородке — старый, давний, почти невидимый. Такие шрамы бывают у тех, кто в детстве часто падал с велосипеда. Или у тех, кто в хирургии не первый год.

— «Просто переутомился»? — переспросила она, и в ее голосе прорезался металл. — У вас была остановка сердца, господин Райский. Если бы скорая приехала на пять минут позже, мы бы сейчас с вами не разговаривали. Вас реанимировали, потом экстренно оперировали, поставили временный кардиостимулятор. И то, что вы сейчас дышите и пытаетесь шутить — это не ваша заслуга, а чистое везение и работа бригады врачей.

Максим закрыл глаза. Остановка сердца. Значит, все-таки дошло. Тот самый момент, которого он ждал — и одновременно оттягивал, отодвигал, заклинал музыкой. Сердце, которое всегда было его слабым местом, наконец сказала: хватит.

— Как концерт? — спросил он, не открывая глаз. — Премьера... Она отменяется?

В палате повисла пауза. Он слышал, как Дарья выдохнула — резко, как выдыхают люди, столкнувшиеся с вопиющей, почти невероятной глупостью.

— Вас только что вытащили с того света, — произнесла она медленно, чеканя каждое слово, — а вы спрашиваете о концерте?

— Ну да. — Максим все-таки открыл глаза и посмотрел на нее с той самой улыбкой, которая когда-то сводила с ума его поклонниц и приводила в ярость лечащих врачей. — Понимаете, доктор, концерт для меня — это не просто работа. Это... как бы вам объяснить...

— Не надо мне ничего объяснять. — Дарья перебила его, не дав закончить. Она взяла с тумбочки какой-то документ и протянула ему. — Вот ваша история болезни. Точнее, выписка из нее, которую мы подняли по базе данных. Ознакомьтесь, раз уж вы такой любознательный.

Максим взял листы негнушимися пальцами. Буквы плыли перед глазами, но смысл он улавливал. Врожденный порок сердца. Диагноз поставлен в возрасте семи лет. Рекомендована операция по замене клапана в пятнадцать — отказ родителей по религиозным соображениям. Повторная рекомендация в двадцать два — отказ пациента. В двадцать семь — отказ. В тридцать — отказ. В тридцать три — отказ. Последний осмотр два года назад: прогрессирующая сердечная недостаточность, клапан изношен на семьдесят процентов, риск внезапной остановки сердца крайне высок. Рекомендована срочная госпитализация. Пациент не явился.

— Знакомая картина? — поинтересовалась Дарья, и в ее голосе не было ни сочувствия, ни жалости. Только холод. — Вы годами игнорировали свой диагноз. Отказывались от лечения. Сбегали от врачей. Жили так, будто ваше сердце — это не жизненно важный орган, а какой-то досадный аксессуар, который можно снять и положить на полку, когда он мешает.

Она сделала шаг к кровати и теперь смотрела на него сверху вниз. Максим, никогда в жизни не чувствовавший себя маленьким, вдруг ощутил себя провинившимся школьником перед строгим директором.

— Вы не музыкант, господин Райский, — отчеканила Дарья. — Вы — ходячая бомба с отсроченным детонатором. Ваша безответственность убивает вас, и самое страшное, что вы это прекрасно знаете. Знали — и ничего не делали. Продолжали гастролировать, записывать альбомы, раздавать интервью. А теперь вы лежите здесь, в моей палате, и спрашиваете о концерте.

Максим выслушал эту тираду молча. Когда она закончила, он отложил бумаги в сторону и попытался сесть — получилось плохо, тело все еще не слушалось. Дарья дернулась было помочь, но остановила себя, и он это заметил.

— Доктор Соколова, — сказал он, поправляя больничную пижаму, горло которой вдруг показалось ему слишком тесным. Пальцы нащупали завязки, он попытался их ослабить, но они не поддавались. — Можно вопрос?

— Задавайте.

— Вот вы — хирург. Вы каждый день видите смерть. Каждый день боретесь за чужие жизни. Скажите честно: вы когда-нибудь любили что-то так сильно, что были готовы умереть за это?

Дарья чуть заметно напряглась. Ее серые глаза остались холодными, но где-то в глубине что-то едва уловимо дрогнуло — как рябь на воде от брошенного камня.

— Моя работа — спасать жизни, а не философствовать о смерти, — ответила она.

— А моя работа — дарить людям то, ради чего стоит жить, — парировал Максим. Он наконец справился с завязками пижамы и теперь смотрел на нее прямо, без улыбки, но с каким-то обезоруживающим спокойствием. — Доктор, я знаю, что умру. Я знал это с восьми лет. Каждый врач, к которому меня водили родители, говорил одно и то же: «Мальчик не дожи-

вет до двадцати». Потом — «до тридцати». Потом — «до сорока, если будет беречь себя». Понимаете? Если будет беречь. Лежать в кровати, глотать таблетки, ходить по врачам, считать калории и измерять пульс каждые полчаса. Это не жизнь. Это существование. А я хочу жить. По-настоящему. И если мое сердце остановится — я хочу, чтобы это случилось на сцене, а не в очереди к регистратуре.

Он улыбнулся — светло, открыто, так, как умел только он. Улыбка преобразила его бледное, изможденное лицо, и на мгновение Дарья увидела не пациента, не диагноз, не историю болезни, а человека. Живого, страстного, упрямого, готового сгореть дотла, лишь бы не тлеть.

Их глаза встретились.

В палате повисла странная, звенящая тишина. Дарья смотрела на него, на эти темные, почти черные глаза, в которых плясали смешинки, несмотря ни на что, и чувствовала, как внутри что-то сдвигается. Какая-то тектоническая плита, которую она много лет держала неподвижной, вдруг дала крошечную трещину.

Она слишком хорошо знала, что такое жить с разбитым сердцем. В переносном смысле — да. Но об этом она не скажет никому.

И в этот момент монитор, фиксирующий пульс Максима, издал короткий, но отчетливый перебой. Писк участился. Восемьдесят ударов в минуту. Девяносто. Девяносто пять.

Дарья перевела взгляд на экран и нахмурилась.

— У вас тахикардия, — констатировала она.

— Правда? — Максим скосил глаза на монитор, и его улыбка стала еще шире. — Надо же. А я думал, это у меня просто настроение хорошее.

— Лежите и не шевелитесь, — отрезала Дарья, отворачиваясь. Ей вдруг стало душно. — Я вызову дежурную медсестру, она проверит настройки стимулятора. И никаких разговоров больше. Вам нужен покой.

Она направилась к выходу, но у двери остановилась — на секунду, не больше.

— И запомните, Райский, — бросила она через плечо, не оборачиваясь. — Романтика и остановка сердца — вещи несовместимые. В следующий раз вы можете не очнуться.

— В следующий раз, — эхом отозвался Максим ей в спину, — я постараюсь, чтобы в моем сердце билась не аритмия, а что-нибудь более... музыкальное.

Дверь за ней закрылась. В палате снова воцарилась тишина, нарушаемая только ровным попискиванием монитора — которое теперь, как заметил Максим, звучало чуть быстрее обычного.

Он откинулся на подушку и закрыл глаза.

«Дарья Андреевна Соколова», — мысленно повторил он. Имя перекатывалось, как глоток холодной воды. Строгая, резкая, неприступная. Но что-то в ней было — что-то такое, от чего сердце, даже больное, даже сшитое на живую нитку врачами, начинало биться чаще.

Максим не знал, что за шрам прячется за ее холодностью. Но он был музыкантом, а музыканты чувствуют ритм — даже тот, что скрыт глубоко внутри.

И ритм Дарьи Соколовой звучал совсем не так, как ей хотелось бы показать.

В ординаторской Дарья села за стол, невидящим взглядом уставившись в монитор компьютера. История болезни Максима Райского все еще светилась на экране — строчки диагнозов, протоколов, отказов от лечения. Но перед глазами стояло совсем другое: его улыбка, его голос, его темные глаза, в которых, несмотря ни на что, горел живой, почти дерзкий огонь.

«Если мое сердце остановится — я хочу, чтобы это случилось на сцене, а не в очереди к регистратуре».

Идиот. Самоубийца. Романтик.

Она потеряла переносицу, прогоняя непрошенные мысли. Профессиональный интерес. Только профессиональный. Сложный случай, редкая патология, молодой пациент с колоссальным потенциалом к выздоровлению — если, конечно, он перестанет сопротивляться лечению. Вот что должно ее волновать.

А не то, как дрогнул его пульс, когда они встретились взглядами.

Дарья вздохнула и потянулась к телефону. Нужно связаться с профессором Ковальчуком — старым, опытным хирургом, который когда-то учил ее саму. Этот пациент требовал особого подхода. И особого наблюдения.

Она уже набирала номер, когда заметила, что ее собственная рука, держащая телефон, слегка дрожит.

— Черт, — пробормотала Дарья и положила трубку.

«Романтика и остановка сердца — вещи несовместимые». Она сама это сказала. И сама себе не поверила.

Потому что сердце — это такая странная штука, которая не слушается ни врачей, ни рассудка. Оно бьется в своем собственном ритме. И иногда этот ритм сбивается самым неожиданным образом.

Дарья Соколова знала это лучше всех.

Глава 3. Второе мнение

Утро в кардиоцентре начиналось всегда одинаково: обход, истории болезней, консилиумы, операционные планы. Дарья Соколова привыкла к этому ритму, как привыкают к дыханию — он стал частью её самой. Но сегодня привычный ход вещей нарушился раньше, чем она успела выпить свой первый кофе.

Дверь в ординаторскую распахнулась, и на пороге возник Максим Райский.

Он стоял, покачиваясь, одетый всё в ту же больничную пижаму, поверх которой было наброшено одеяло, как мантия. В одной руке он держал штатив от капельницы, в другой руке сжимал скомканную бумагу.

— Доктор Соколова, — объявил он с порога, — я требую выписки. Под расписку. С полным осознанием рисков и прочих юридических формальностей.

Дарья медленно поставила чашку на стол. Сосчитала про себя до трёх. Потом до десяти.

— Райский, — произнесла она голосом, которым обычно разговаривала с нерадивыми ординаторами, — вы вчера перенесли операцию. У вас в груди временный кардиостимулятор. Вы не можете стоять на ногах без посторонней помощи. О каком осознании рисков идёт речь, если вы даже не в состоянии самостоятельно дойти до туалета?

— Я дойду, — заверил он с обезоруживающей улыбкой, от которой у Дарьи непроизвольно сжались зубы. — Медленно, но дойду. А если упаду — что ж, тут вокруг врачи, подберут.

Она встала из-за стола, обошла его и плотно закрыла дверь в коридор. Повернулась. Скрестила руки на груди.

— Объясните мне, только без ваших музыкальных метафор, — сказала она ледяным тоном, — зачем вам выписываться? Что такого сверхъестественного должно произойти, чего нельзя отложить?

Максим переступил с ноги на ногу, и штатив капельницы угрожающе качнулся. Дарья машинально подалась вперёд, чтобы подхватить, но остановила себя.

— Через три дня у меня концерт в Вене, — сказал он так просто, будто речь шла о походе в булочную. — Мировая премьера. «Пульс». Я писал этот концерт три года. Билеты проданы. Оркестр ждёт. Я не могу их подвести.

Дарья прикрыла глаза, пытаясь справиться с поднимающейся внутри яростью. Это была не злость — это было профессиональное бешенство, смешанное с каким-то почти материнским отчаянием. Перед ней стоял взрослый мужчина, гениальный музыкант, который собирался убить себя ради трёхчасового выступления.

— Концерт, — повторила она глухо. — Вы готовы умереть ради концерта.

— Я готов умереть ради музыки, — поправил Максим. — Концерт — это лишь форма. Я же говорил вам вчера: если моё сердце остановится, пусть это случится на сцене.

— А персонал филармонии пусть убирает ваше тело с клавиш? — отрезала Дарья. — А зрители, которые купили билеты, пусть вместо музыки получают шоу в жанре «умирающий лебедь»? А ваши близкие, если они у вас есть, пусть узнают о вашей смерти из новостей? Вы об этом подумали?

В её голосе прорезались нотки, которых она сама не ожидала. Что-то слишком личное, слишком острое. Максим заметил это — она увидела, как дрогнули его ресницы, как он чуть склонил голову набок, будто прислушиваясь к звучанию её голоса.

— У меня нет близких, — тихо сказал он. — Родители умерли. Жены нет. Детей нет. Есть только музыка. Она — моя семья, моя любовь, моё всё. Вы можете это понять, доктор? У вас есть что-то, ради чего вы готовы забыть о себе?

Дарья молчала. Где-то глубоко внутри что-то сжалось — она знала ответ на этот вопрос, но не собиралась делиться им ни с кем, тем более с этим упрямым пациентом. Потому что её «всё» — это операционная, спасённые жизни, чужие сердца, которые она возвращает к ритму. И да, она тоже готова забыть о себе. Только в этом и заключается разница: она спасает, а он — разрушает.

— Это не имеет значения, — сказала она наконец. — Я ваш лечащий врач, и я не подпишу выписку. Ваше состояние не позволяет даже думать о перелётах.

— Тогда я уйду без подписи. — Максим пожал плечами, и одеяло сползло с его плеч, открывая бледную грудь. — Вы не можете держать меня силой.

— Могу. Если есть угроза жизни.

— Угроза моей жизни существует последние двадцать восемь лет, доктор. И я до сих пор жив. Это что-то да значит.

Они стояли друг напротив друга, как два боксёра на ринге. Дарья чувствовала, как кровь стучит в висках, как пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Она ненавидела такие моменты — моменты, когда медицина бессильна перед человеческой глупостью. Когда ты знаешь, как спасти человека, а он сам выбирает смерть.

— Хорошо, — произнесла она после долгой паузы. — Будь по-вашему. Но есть одно условие.

— Слушаю.

— Я передам ваше дело профессору Ковальчуку. Это светило кардиохирургии, он работал ещё с теми пациентами, которых другие считали безнадежными. Если он скажет, что вы можете лететь — я не буду препятствовать. Но если он скажет «нет», вы останетесь и пройдёте полный курс стабилизации. И перенесёте свой концерт.

Максим прищурился. Было видно, что он колеблется.

— Ковальчук... — протянул он. — Я слышал это имя. Кажется, он когда-то консультировал моего отца. Но я не обещаю, что соглашусь с его вердиктом.

— Выслушаете — а потом решите.

Дарья сняла трубку внутреннего телефона и набрала номер. Профессор Ковальчук, к счастью, был сегодня в клинике — он приезжал на консультацию сложного пациента и ещё не уехал.

Через пятнадцать минут в ординаторскую вошёл невысокий, сухощавый старик с седыми, торчащими во все стороны бровями и живыми, молодыми глазами. Профессору Ковальчуку было семьдесят три, но он до сих пор оперировал, и руки его, покрытые старческими пигментными пятнами, не знали дрожи.

— Так-так, — произнёс он, оглядывая Максима с ног до головы. — Тот самый Райский. Я помню вашего отца, юноша. Тот ещё упрямец был. Яблоко от яблони, как я погляжу.

— Я не упрямец, профессор, — отозвался Максим. — Я просто знаю, чего хочу.

— Чего вы хотите — это я уже понял. — Ковальчук взял со стола историю болезни, быстро пролистал. — А теперь давайте-ка я расскажу вам, чего хочет ваше сердце.

Он говорил минут двадцать. Спокойно, без нажима, без эмоций — просто излагал факты, цифры, прогнозы. Но именно это спокойствие действовало сильнее любых криков. Ковальчук рисовал на листке схемы, показывал снимки, объяснял механику клапана, который изнашивался настолько, что мог отказать в любую секунду. И главное — он не запрещал, не давил. Он предлагал компромисс.

— Месяц, — сказал профессор. — Дайте себе месяц. Интенсивная терапия, капельницы, препараты нового поколения. Никаких операций пока, только стабилизация. Через месяц ваш клапан будет работать процентов на тридцать эффективнее, чем сейчас. Риск внезапной остановки снизится в разы. И тогда — летите в свою Вену, играйте концерт. Хоть десять концертов. Но дайте себе этот месяц.

Максим молчал. Дарья видела, как он переводит взгляд со снимка своего сердца на лицо профессора, потом — на неё. В его глазах читалась борьба: привычка идти напролом против голоса разума, который в кои-то веки звучал не как приговор, а как отсрочка.

— Месяц, — повторил он наконец. — Всего месяц.

— Всего месяц, — кивнул Ковальчук. — Я лично буду вас вести. А Дарья Андреевна, — он хитро покосился на неё, — возьмёт академический интерес. У вас редкий случай, Райский. Грех не понаблюдать.

Дарья чуть не поперхнулась. Академический интерес? Она никакого интереса не брала! Но возражать при пациенте было нельзя, и она лишь коротко кивнула, делая вид, что так и задумано.

— Хорошо, — выдохнул Максим. — Месяц. Я позвоню в Вену, перенесу концерт. Но через месяц — никаких отговорок.

— Через месяц — никаких отговорок, — согласился профессор. — А теперь марш в палату. И капельницу верните на место.

Когда Максим, сопровождаемый санитаром, покинул ординаторскую, Ковальчук повернулся к Дарье.

— Интересный пациент, — заметил он, и в его глазах плясали искорки. — И случай интересный, и личность. Ты, Дашенька, не сердись. Я старый, мне можно такие вещи говорить. Берегись таких пациентов — они в душу западают.

— Профессор, у меня нет души, — отрезала Дарья. — У меня есть протоколы, скальпель и график операций.

— Ну-ну, — усмехнулся Ковальчук и, насвистывая что-то из Моцарта, вышел в коридор.

Вечером в кардиоцентре наступало затишье. Дневные операции заканчивались, ночные дежурства ещё не начинались, и по длинным коридорам гуляло эхо. Дарья задержалась допоздна — писала отчёт, разбирала истории болезней, откладывала момент, когда нужно будет вернуться в пустую квартиру. Она уже собиралась уходить, когда где-то в глубине здания раздался звук.

Сначала она не поняла, что это. Просто что-то изменилось в воздухе — будто само пространство наполнилось вибрацией, тонкой, едва уловимой. Дарья остановилась посреди коридора, прислушиваясь. Звук доносился из атриума — большого холла с прозрачным потолком, который архитекторы зачем-то спроектировали в форме сердца.

Она пошла на звук, уже догадываясь, что увидит. И не ошиблась.

В центре атриума, за стареньким, расстроенным пианино, которое с незапамятных времён стояло у стены и служило скорее предметом интерьера, чем музыкальным инструментом, сидел Максим Райский. Он сменил больничную пижаму на спортивные штаны и футболку, а на запястье блеснул больничный браслет. Капельницы не было — видимо, он сумел договориться с медсёстрами.

Вокруг него собралась небольшая толпа. Пациентка с передвижной капельницей застыла, прикрыв глаза, и по её морщинистому лицу текли слёзы. Молодой парень на инвалидной коляске, ещё вчера мрачно смотревший в стену, сейчас улыбался. Две медсестры прижались к стойке регистратуры, забыв о своих обязанностях. Даже суровый санитар дядя Коля, вечно ворчавший на всё и вся, стоял в сторонке и тихо покачивал головой в такт.

Максим играл. Его длинные, бледные пальцы бегали по пожелтевшим клавишам, извлекающая из старого инструмента звуки, которых от него никто не ожидал. Это была не классика — что-то своё, рождённое прямо сейчас, в этот момент. Мелодия то взлетала вверх, лёгкая и светлая, то опускалась в глубокие, тёплые низы, обволакивая пространство, как мягкое одеяло. В ней слышалось что-то щемящее, почти болезненное, но одновременно — невероятно утешительное. Будто кто-то говорил: «Я знаю, что тебе больно. Я тоже это чувствую. Но посмотри — мы всё ещё живы».

Дарья остановилась за колонной, не в силах сделать шаг. Она не хотела, чтобы её заметили, не хотела, чтобы кто-то увидел её лицо в этот момент. Потому что то, что происходило с ней, было непрофессионально. Неправильно. Недопустимо.

Музыка проникала сквозь все её защиты — сквозь цинизм, сквозь врачебный холод, сквозь броню, которую она выстраивала годами. Она находила какие-то трещины, о существовании которых Дарья даже не подозревала, и заполняла их светом. Ей вдруг вспомнилось то, о чём она запретила себе думать много лет назад: как она, ещё студентка, стояла у операционного стола и впервые держала в руках живое, бьющееся сердце. Как её учитель, старый хирург, сказал тогда: «Чувствуешь, Даша? Это не просто мышца. Это музыка. У каждого сердца свой ритм, своя мелодия. И наша задача — не заглушить её, а помочь звучать».

Она тогда посмеялась над стариком. А теперь стояла за колонной, и по её щекам, впервые за долгие годы, текли слёзы. Беззвучные. Горячие. Неожиданные.

Максим закончил играть так же внезапно, как начал. Его пальцы замерли на клавишах, и последний аккорд ещё дрожал в воздухе, когда атриум взорвался аплодисментами. Пациенты хлопали, медсёстры вытирали глаза, санитар дядя Коля громко сморкался в платок.

— Ещё! — крикнул кто-то. — Сыграйте ещё!

Но Максим покачал головой, улыбаясь. Он осторожно поднялся с табурета, придерживаясь за пианино, и оглядел своих слушателей.

— На сегодня хватит, — сказал он. — Врачи велели беречь сердце. А музыка, знаете ли, тоже даёт нагрузку. — Он на мгновение прижал руку к груди. — Но я завтра приду. Если разрешат.

Толпа начала расходиться. Дарья стояла за колонной, боясь пошевелиться. Она видела, как Максим медленно направился к лифтам. Его походка была ещё нетвёрдой, но в ней появилось что-то новое — какая-то лёгкость, которой не было утром. Будто музыка и впрямь подпитала его, дала сил.

Она дождалась, пока атриум опустеет, и быстрым шагом направилась в ординаторскую. Ей нужно было собрать вещи и уйти. Просто уйти, пока он её не заметил, пока не случилось что-то, о чём она потом пожалеет.

Но у лифтов она столкнулась с ним лицом к лицу.

— Доктор Соколова, — Максим улыбнулся, и в его тёмных глазах читалось что-то такое, от чего у Дарьи перехватило дыхание. — Я вас искал. Вы слышали? — Он кивнул в сторону атриума. — Я видел, как вы стояли за колонной. Не прячьтесь — у вас это плохо получается.

Дарья почувствовала, как кровь приливает к щекам. Её поймали. Она, заведующая отделением, образец хладнокровия, стояла за колонной и плакала под чужую музыку.

— Я просто проходила мимо, — сказала она, стараясь вернуть голосу привычную строгость. — И задержалась, чтобы убедиться, что вы не нарушаете больничный режим.

— Конечно, — легко согласился Максим, не переставая улыбаться. — Именно за этим. А не потому, что музыка — это тоже пульс. Просто у неё немного другой ритм.

Он повторил эту фразу так мягко, что у Дарьи не осталось сил сопротивляться. Она молча смотрела на него — на его бледное, красивое лицо, на руки, которые только что творили чудо, на грудь, где билось больное, но невероятно сильное сердце.

— Вы слышите, доктор? — продолжал Максим. — Не стетоскопом, а вот этим. — Он коснулся пальцами своей груди, а потом — неожиданно, почти невесомо — её плеча, прямо над сердцем. — У каждого из нас внутри звучит мелодия. Просто мы разучились её слушать.

Дарья вздрогнула от прикосновения. Оно было лёгким, почти случайным, но по телу пробежал электрический разряд.

— Я слушаю только синусовый ритм, — ответила она. — И шумы в сердце. Это моя профессия.

— А моя профессия — превращать шум в музыку. — Максим опустил руку и отступил на шаг. — Я хочу пригласить вас на концерт в Вене. Тот самый, который теперь состоится через месяц. Я буду играть «Пульс». И я хочу, чтобы вы были в первом ряду.

Дарья хотела отказаться. Сказать, что это непрофессионально. Что у неё график операций. Что она не слушает музыку — у неё нет времени на такие глупости. Но слова застряли в горле.

— Зачем? — спросила она наконец.

— Затем, что вы вернули мне ритм, — просто ответил Максим. — И я хочу, чтобы вы слышали, во что он превратился. Пожалуйста. Это мой способ сказать «спасибо».

Он протянул ей конверт. Обычный белый конверт, каких сотни в канцелярском магазине. Внутри — билет. Первый ряд, место в центре. Дата: ровно через месяц от сегодняшнего дня.

Дарья взяла конверт. Пальцы чуть дрогнули.

— Я ничего не обещаю, — сказала она.

— Я и не прошу обещаний. Просто придите. И послушайте. Без стетоскопа.

Он ушёл, оставив её стоять в пустом коридоре с конвертом в руке. Дарья смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри что-то переворачивается. Что-то, что она так старательно запирала на все замки, вдруг дало трещину.

Профессор Ковальчук был прав. Бывают пациенты, которые западают в душу. И хуже всего — когда они об этом знают.

Она сунула конверт в карман халата и быстрым шагом направилась к выходу. Ей нужно было подумать. Много думать. И выпить чашку крепкого чая в тишине своей пустой квартиры.

Где нет музыки. Где нет шумов сердца. Где нет его глаз.

Но музыка уже звучала внутри неё — тихая, едва различимая, но настойчивая. Будто где-то глубоко, под слоем цинизма и профессиональной брони, её собственное сердце наконец-то вспомнило, что оно не только мышца.

Что оно тоже умеет петь.

Глава 4. Мелодия двоих

Выписка Максима прошла буднично, почти незаметно. Он исчез из кардиоцентра ранним утром, когда Дарья ещё только принимала смену. Медсестра передала, что «этот музыкант» оставил на тумбочке записку, но Дарья сунула её в карман халата не читая. Она и так знала, что там будет: благодарность, обещание соблюдать режим, очередная шутка. Ничего, что могло бы заинтересовать заведующую отделением.

Профессор Ковальчук лично подобрал Максиму реабилитационный центр в ста километрах от города — тихое место на берегу озера, специализировавшееся на восстановлении кардиологических пациентов. Три недели интенсивной терапии, капельницы, физиопроцедуры, строгий контроль ритма. И — что особенно порадовало Дарью — никаких концертов, никаких ролей, никаких сцен. Только покой.

Первые дни после его отъезда прошли в привычной круговерти операций, консультаций, планёрок. Дарья работала с утра до ночи и почти убедила себя, что ничего не изменилось. Просто был пациент — сложный, интересный, но пациент. Вылечили, отправили на реабилитацию, забыли. Так случалось сотни раз.

Но вечерами, когда она возвращалась в свою пустую квартиру, что-то неуловимо менялось. Тишина, которую она всегда любила, вдруг стала казаться слишком гулкой. Дарья ловила себя на том, что прислушивается — не к писку монитора, не к шуму аппарата ИВЛ, а к чему-то другому. К чему-то, чего в её жизни никогда не было.

На третий день пришло сообщение.

Её личный номер знали единицы: главврач, заведующие смежных отделений, несколько коллег для экстренной связи. Поэтому, когда телефон завибрировал в десять вечера, высветив незнакомый номер, Дарья нахмурилась. Она открыла мессенджер и увидела аудиофайл. Без подписи, без текста — просто музыкальная нота на иконке и название: «Бах — Ария на струне соль».

Максим.

Она знала это ещё до того, как прочитала сообщение, которое пришло следом:

«Добрый вечер, доктор. Реабилитация идёт по плану. Капельницы, таблетки, прогулки. Скука смертная. Спасаясь только музыкой. Делюсь. М.»

Дарья фыркнула и отложила телефон. Ещё не хватало, чтобы пациенты слали ей музыку. Тем более этот пациент.

Она не стала слушать файл.

На следующий вечер пришло новое сообщение. «Дебюсси — Лунный свет». И короткая приписка: «Профессор сказал, что мой пульс стал ровнее. Говорит, это хороший знак. Я думаю, это просто Луна. Она всегда действует на меня успокаивающе. М.»

Дарья снова не открыла. Но телефон не выключила.

На пятый день она провела сложнейшую операцию. Пациент — женщина сорока двух лет, трое детей, обширный инфаркт. Пять часов за столом, дважды — остановка сердца, дефибрилятор, реанимация. Когда всё закончилось и Дарья, шатаясь от усталости, сняла перчатки, она поняла, что не чувствует собственных пальцев. Адреналин схлынул, оставив после себя свинцовую пустоту. В такие моменты ей всегда хотелось одного — тишины. Тёмной, глубокой, как колодезь.

Она заперлась в ординаторской, села в кресло и закрыла глаза. За окном уже стемнело. Телефон на столе завибрировал — очередное сообщение от Максима. «Шопен — Ноктюрн ми-бемоль мажор». И снова короткая подпись: «М.»

И тогда, сама не зная почему, Дарья потянулась к ящику стола, куда когда-то, в порыве сентиментальности (быстро подавленного), положила старенькие наушники. Она надела их, открыла файл и нажала «воспроизвести».

Первые ноты обрушились на неё, как волна.

Это был не просто звук. Это было пространство — огромное, наполненное воздухом, светом и какой-то щемящей, почти невыносимой красотой. Мелодия лилась мягко, неторопливо, обволакивая усталое сознание, смывая остатки операционного напряжения. Дарья вдруг поняла, что дышит в такт музыке — глубоко, ровно, спокойно. Её собственное сердце, которое она привыкла воспринимать исключительно как анатомический орган, сейчас билось как-то иначе. Легче. Свободнее.

Ноктюрн закончился, и в наушниках воцарилась тишина. Дарья сидела не шевелясь, всё ещё держа телефон в руке. Перед глазами стояло его лицо — бледное, с упрямыми губами и тёмными, смеющимися глазами. «Музыка — это тоже пульс. Просто у неё немного другой ритм».

Она сдалась.

Набрала ответ. Сначала хотела написать что-то сдержанное, вроде «Спасибо за файл», но потом, повинуясь внезапному порыву, добавила: «От этого ноктюрна у меня идеальный синусовый ритм. Брадикардия, но в пределах нормы. Одобряю».

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Доктор! Вы слушали! А я уж думал, вы удалили мой номер. Как прошла операция?»

И завязалась переписка. Сначала короткая, осторожная — как два незнакомца, пробующие воду кончиками пальцев. Максим спрашивал о её дне, она отвечала сдержанно, но всё же отвечала. Он рассказывал о реабилитации — о профессоре Ковальчуке, который навещал его раз в неделю и гонял по анализам; о медсестре Зое, которая тайком приносила ему шоколад, запрещённый диетой; о видах на озеро, которые открывались из окна его палаты. Дарья читала его сообщения и ловила себя на том, что улыбается — глупо, совершенно непрофессионально.

Он продолжал присылать музыку. Каждый вечер, ровно в десять, телефон вибрировал новым сообщением. Это стало их ритуалом: Максим выбирал произведение, а Дарья после работы, уже лёжа в постели, надевала наушники и погружалась в мир, который он для неё открывал.

Она начала отвечать ему в своём стиле — с медицинскими комментариями, которые почему-то его невероятно веселили.

«Равель, "Болеро", — написала она как-то после прослушивания. — Максим, честное слово, у меня тахикардия. Сто двадцать ударов в минуту. Вы что, хотите, чтобы я попала на ночном дежурстве с пульсом, как после спринта?»

Ответ пришёл через минуту:

«А вы послушайте Брамса, колыбельную. Гарантирую брадикардию и крепкий сон. Проверено на себе. Правда, мне её в детстве мама пела, так что эффект может быть ностальгическим».

«Брамса не люблю, — отрезала Дарья. — Слишком сентиментально».

«Сентиментальность — это не порок сердца, доктор. Это его естественное состояние. Вы просто разучились её слушать».

Дарья не нашлась что ответить. Потому что он был прав, и она это знала.

Однажды он прислал джаз — Майлза Дэвиса, «Blue in Green». Дарья слушала, сидя на подоконнике в тёмной ординаторской, глядя на ночной город за окном, и чувствовала, как внутри что-то тает. Тает медленно, неумолимо, как лёд под весенним солнцем.

«От этой композиции у меня экстрасистолия, — написала она, стараясь, чтобы голос в сообщении звучал сухо. — Не рекомендую пациентам с аритмией».

«А вы, доктор, не пациент, — ответил Максим. — Вы — слушатель. И судя по экстрасистолии, слушатель благодарный».

Она рассмеялась. Вслух. В пустой ординаторской. И смех этот прозвучал так неожиданно, так чуждо в стерильных стенах, что Дарья сама испугалась.

На вторую неделю их «виртуального романа» — а теперь она уже мысленно называла это именно так, хотя ни за что не призналась бы вслух — Максим прислал нечто совершенно особенное. Запись была короткой, необработанной, слышно было, как где-то на заднем плане шумит ветер или, может быть, дыхание.

«Я тут подумал, — написал он, — что всё это время я посылаю вам чужую музыку. Не свою. Это неправильно. Это моя новая вещь. Пока только набросок. Без названия. Послушайте».

Дарья включила запись.

Это было не похоже ни на что из того, что он присылал раньше. Мелодия звучала странно, почти хаотично — будто кто-то пытался нащупать ритм, но всё время сбивался. Она начиналась, замирала, снова начиналась, и в этом спотыкающемся, неровном движении было что-то до боли знакомое. Дарья прислушалась — и вдруг поняла.

Это было сердце.

Его сердце. Тот самый рваный, сбивчивый ритм, который она видела на мониторе в ночь его поступления. Пароксизм фибрилляции предсердий, переходящий в ровный синусовый ритм. Он переложил свою аритмию на ноты.

«Максим, — написала она, и пальцы дрожали, попадая не по тем клавишам, — это... это же ваша аритмия. Я узнала. Это "Пульс"?»

«Он самый, — пришёл ответ. — Вернее, его первая часть. Я писал его три года, пытаюсь передать то, что чувствую, когда сердце сбоит. Но теперь, после всего, что случилось, мне кажется, чего-то не хватает. Какой-то важной ноты. Может быть, вы подскажете, доктор?»

«Я не музыкант. Я только слушаю».

«Вы слушаете сердце. Это гораздо важнее».

Дарья отложила телефон и долго сидела в темноте, глядя в потолок. А потом, сама не зная зачем, встала, накинула халат и спустилась в пустой кабинет функциональной диагностики. Там, в тишине, стоял аппарат ЭКГ с возможностью аудиозаписи — старый, почти списанный, но всё ещё работающий. Она включила его, надела наушники стетоскопа и приложила мембрану к своей груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.